

УДК 327.39: (470+571)

РОССИЯ В МИРОВОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Паиковский П.И.

В статье рассмотрены исторический опыт позиционирования и современное положение России в рамках мировой капиталистической системы.

Ключевые слова: *Россия, мировая капиталистическая система, позиционирование, исторический опыт.*

Современный мировой финансово-экономический кризис катализировал процесс изменений действующей системы международных отношений, нанеся «сокрушительный удар по социально-экономической сфере ведущих стран мира, обостряя весь комплекс проблем, имманентно присущих капиталистической экономике» [1, с. 15]. Ключевыми на глобальной повестке дня стали вопросы о будущем мировой капиталистической системы, месте и роле государств в условиях формирующейся модели мироустройства. Между тем, структура нового мирового порядка и дальнейшая судьба капитализма во многом зависят от социально-экономического положения и международных позиций Российской Федерации как крупнейшего геополитического актора на постсоветском пространстве и влиятельной мировой державы. В этой связи необходимым в процессе осмысления обозначенной ситуации и построения реалистичных прогнозов её дальнейшего развития представляется анализ исторического опыта позиционирования и современного положения России в мировой системе капитализма.

Объектом настоящего исследования выступает позиционирование России в рамках мировой капиталистической системы. Цель статьи – выявить исторический контекст позиционирования России.

Поскольку трактовка понятия «капитализм» видится самостоятельной научной проблемой, следует кратко охарактеризовать его дефиницию. В современных словарях можно найти различные определения капитализма, которые совпадают в вопросе о собственности. Рассмотрим, к примеру, определение, данное в словаре В.А. Дергачева: «социально-экономическая система, в которой большая часть собственности (земля и капитал) находится в распоряжении частных лиц. Размещение ресурсов и распределение дохода осуществляется в основном с

помощью рыночного механизма» [2, с. 203]. В словаре В.И. Васильева в определении капитализма на первый план также выходит понятие собственности: «общественно-экономическая формация, основанная на частной собственности на средства производства и использовании наёмного труда капиталом...» [3, с. 212].

Эпохой первоначального накопления капитала в Европе считается период середины XV - середины XVIII вв. Однако, уже в XIV в. в городах Италии возникают первые мануфактуры. К. Маркс в этом контексте писал: «Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее, начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Там, где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право и поблекла блестящая страница средневековья – вольные города» [4, с. 108]. «Накопление капитала, - отмечал итальянский экономист и социолог Дж. Арриги, - благодаря торговле на далекие расстояния и крупным финансовым операциям, поддержание баланса сил, коммерциализация войны и развитие посольской дипломатии, таким образом, дополняли друг друга и способствовали необычайной концентрации богатства и власти в руках олигархий, которые правили итальянскими городами-государствами Но итальянские города-государства никогда не пытались сами по себе или сообща изменить средневековую систему правления. По причинам, которые прояснятся позднее, они не имели ни желания, ни возможности произвести такое преобразование. Понадобилось два века - примерно с 1450 по 1650 год («долгий» XVI век, по Броделю), чтобы новый тип капиталистического государства, Соединенные Провинции, получил возможность изменить европейскую систему правления для удовлетворения потребности в накоплении капитала в мировом масштабе» [5, с. 82-83].

Таким образом, современная капиталистическая система зародилась в «долгом» XVI в., постепенно охватив весь мир. До этого одновременно сосуществовало множество мировых систем, подразделявшихся на три типа: мини-системы, мировые экономики и мировые империи [6]. Мини-системы были характерны для первобытных обществ и основаны на отношениях взаимобмена. Аграрным обществам были присущи системы мировой экономики и мировой империи. Экономике представляли собой системы обществ, объединенных тесными экономическими связями, выступающие в качестве определенных эволюционирующих единиц, но не являющиеся единым политическим образованием. Империи характеризовались относительно высоким политическим единством экономики (в рамках имперской или феодальной формы), взиманием налогов (дани) с провинций либо захваченных колоний (даннический или редистрибутивно-даннический способ производства). При этом все докапиталистические экономики рано или поздно превращались в империи через их

политическое объединение под властью одного государства. Единственным исключением стала средневековая европейская экономика, которая эволюционировала в современную капиталистическую систему, состоящую из ядра (центра), полупериферии и периферии [7], [8].

Под ядром (центром) мировой системы понимаются страны с наиболее высокой производительностью труда и доходом на душу населения. Здесь находится непосредственный центр накопления капитала, где концентрируется основная геоэкономическая мощь [9]. Центр капиталистической экономики представляется организованным и равновесным хозяйственным организмом, обладающим передовыми технологиями, инфраструктурой, транспортными средствами, коммерческой культурой, социальным и политическим динамизмом, занимает прочные позиции на мировом рынке [6], [7]. «Свойственные ядру процессы, - объясняет американский социолог И. Валлерстайн, - группируются в нескольких государствах, и на них приходится основной объём всех производственных процессов ...» [10, с. 94]. Ядру присущи производственные процессы, которые контролируют квазимонополии. Но «квазимонополии исчерпывают сами себя, поэтому процессы, сегодня свойственные ядру, завтра характерны уже для периферии». Так, в 2000 г. ядру были присущи авиастроение и генная инженерия [10, с. 95].

Промежуточным звеном между центром и периферией являются государства полупериферии, в которых процессы, характерные ядру, сочетаются с процессами периферии. Государства полупериферии зачастую продают товары ядра в страны периферии, а товары периферии – в страны ядра. Такие государства активно и публично проводят протекционистскую политику, стремясь защитить своё производство от конкуренции более сильных фирм извне и увеличить эффективность работы местных производителей [7]. Они способны защищать свой рынок от центра и вторгаться на рынки менее развитых стран [11]. Главная задача полупериферии – не скатиться на периферию а, по возможности, и приблизиться к ядру. В некоторых случаях страны полупериферии могут становиться центром (ядром) по отношению к периферии [8].

Положение государств периферии («третий мир») характеризуется расстыковкой различных хозяйственных секторов (главным образом, аграрного и индустриального), узостью внутреннего рынка, выпуском товаров с низкой прибавочной стоимостью, социальными контрастами и прочими дисбалансами, сосуществованием современных структур с архаическими. Как правило, периферия выступает сырьевым придатком ядра, местом «выкачивания» капиталов и постоянного потока прибавочной стоимости от местных производителей к производителям ядра, получившего название неравного обмена [10, с. 93-94].

Что касается позиционирования России в рамках капиталистической экономики на разных исторических этапах, то таковое во многом определялось её географической и цивилизационной спецификой. Истоки социально-экономических и культурно-психологических особенностей России принято относить к периоду Киевской Руси (IX – XIII вв.), когда происходило формирование её ментального «образа» и «политического целого», этот процесс закончится лишь в «монгольский период» [12], [13]. Особенности развития входивших в состав Российского государства земель, по мнению авторитетного американского историка П. Кеннеди, предопределили следующие факторы: экстремальные климатические условия; огромная пространственная протяжённость при низком уровне развития коммуникаций; наличие таких «социальных пороков», как «военный абсолютизм царей», монополия в образовании «рук Православной церкви», «продажность и непредсказуемость бюрократов»; «институт крепостничества, делавший сельское хозяйство феодальным и статичным». Однако, продолжает исследователь, «несмотря на относительную отсталость, и вопреки задержке в развитии, Россия продолжала экспансию, подчиняя себе новые территории за счёт всё той же военной силы и авторитарического правления, которые использовались для принуждения к послушанию Москве» [14, р. 15-16]. Развивая данные утверждения, американский аналитик Г. Киссинджер отмечал: «На протяжении всей своей истории Россия всегда стояла особняком. Она поздно вышла на сцену европейской политики - к тому времени Франция и Великобритания давно прошли этап консолидации... Находясь на стыке трёх различных культурных сфер - европейской, азиатской и мусульманской, - Россия вбирала в себя население, принадлежавшее к каждой из этих сфер, и поэтому никогда не являлась национальным государством в европейском смысле. Постоянно меняя очертания по мере присоединения её правителями определённых территорий, Россия была империей несравнимой по масштабам ни с одной из европейских стран. Более того, после каждого очередного завоевания менялся характер государства, ибо оно вбирало в себя совершенно новую, беспокойную нерусскую этническую группу» [15, с. 16].

Примечательным в этой связи представляется вывод американских экспертов, что с начала «своего формирования в XIV-ом и XV-ом веках, российское имперское развитие было обусловлено силовой экспансией и недостатком властной отчётности во внутреннеполитическом устройстве» [16]. Это во многом обусловило специфику процесса модернизации российского образца. «С одной стороны, её (Россию. – П.П.) характеризует несомненная отсталость от развитых стран Запада, которую она стремилась преодолеть мощными модернизационными усилиями, - констатирует российский специалист В. Межуев, - с другой - она не просто пыталась сравняться с ними, но и стать лучше их, избежать их недостатков и изъянов, подняться на более высокую, как ей казалось, ступень общественного развития» [17, с. 593].

В свою очередь, можно говорить о двух типах («первичной» и «вторичной») модернизации (от греч. *moderne* - новейший), понимаемой в значении процесса масштабного реформирования на пути «перехода от традиционного общества к индустриальному (современному)» [18, с. 22-23]. Применительно к России зачастую используют второй вариант. «Вторичная» или «догоняющая» модернизация предполагает, что одни элементы общества «убежали» вперёд, более или менее соответствуют развитию в передовых странах, а другие ещё не «вызрели», отстают в своём развитии или вовсе отсутствуют. Развитие общества при «вторичной» модернизации напоминает движение квадратного колеса..., когда чередуются эволюционные и революционные начала. Колесо со скрипом переваливается через ребро между гранями, а затем замирает на новой грани – период бурного, но весьма неравномерного развития сменяется стагнацией или медленной эволюцией в ранее выбранном направлении» [19, с. 162].

Предпосылкой российской формы «догоняющей» модернизации, как правило, являлось наличие фактора внешней угрозы государственной целостности, необходимость реагирования на который вынуждала к проведению масштабного и ускоренного реформирования. В целом, как отмечает В.В. Лапкин: «... мощные импульсы военно-политического, экономического, культурного и идеологического порядка, которые в XVIII - XX вв. понуждали Россию к ускоренной (преимущественно, военно-политической) модернизации, были во многом обусловлены ритмами международного политического развития – подвигками в глобальной системе мировых центров политической и экономической силы, чередующимися периодами мировых кризисов, технологических переворотов и т. п.» [20, с. 45].

Начало модернизации Руси некоторые исследователи относят к годам правления Бориса Годунова (1598-1605), когда происходило расширение торговли с западными странами; предпринимались попытки создания новых школ и университетов; приглашались иностранные преподаватели и учёные; русские студенты отправлялись на обучение в Европу; велось масштабное строительство и т.д. Своеобразным символом прогрессивного реформирования в указанное время, по словам российского историка Р. Скрынникова, стало то, что «в Кремле появился водопровод с мощным насосом, благодаря которому вода из Москвы-реки поднималась «великой мудростью» по подземелью на Конюшенный двор» [21, с. 297]. Однако большинство учёных сходятся в том, что действительная модернизация России началась только в период реформ Петра I (первая четверть XVIII в.) [22-25]. Британский эксперт Д. Ливен называет данное явление «погоней за Людовиком XIV». Это была «борьба за превращение страны в великую европейскую военную и финансовую державу» [26, с. 39].

Следует отметить, что, по мнению И. Валлерстайна, именно в XVIII в. (в период между правлениями Петра I и Екатерины II) Россия вошла в капиталистическую мировую экономику в статусе полупериферии [27, с. 38-39]. Этому во многом способствовала модернизация в виде вестернизации российского общества. Как отмечал британский историк А. Тойнби, Пётр I стремился «коренным образом преобразовать Московию, превратив её из русского православно-христианского универсального государства, верящего в свою исключительную миссию, в динамическое локальное государство, составной элемент европейской системы» [22, с. 509]. «К концу семнадцатого века, - уточнял американский политолог С. Хантингтон, - Россия не только отличалась от Европы, но отставала от неё, что выяснил Пётр Великий во время своего путешествия по Европе в 1697–1698 годах. Он был полон решимости как модернизировать, так и вестернизировать свою страну». У этого процесса имелись и отрицательные стороны: «В стремлении сделать свою страну современной и западной, однако, Пётр также усилил азиатские черты России, доведя до совершенства деспотизм и искоренив любые потенциальные источники политического и общественного плюрализма» [28, с. 212].

Тем не менее, под влиянием модернизационных усилий в обозначенный период Россия была интегрирована в мировую капиталистическую систему, показав классический пример полупериферии, как государства, в котором (подчас причудливо) сочетаются черты периферии и ядра [27, с. 38-39]. При этом к чертам периферийности России в XVIII – XIX вв. относились: преимущественно сырьевой экспорт; весомая доля иностранного капитала в национальном хозяйстве; значительный внешний долг; зависимость от зарубежной технологии; дисбалансы структурно-экономического и социального порядка (хроническая отсталость аграрной сферы и неспособность образовать прочную базу индустриализации); консерватизм политической надстройки (пережитки крепостничества) [11].

Характеристики ядра проявлялись, главным образом, в сильной армии и высоком уровне боеспособности. Россия контролировала очень серьёзный военный потенциал, расположенный поблизости от Европы - центра мировой системы. Она выступала решающим союзником во внутренних конфликтах европейских стран, начиная с семилетней войны и, особенно, в годы наполеоновских войн [7], [27]. Кроме того, являясь империей, Россия сама выполняла функции ядра в отношении менее развитых соседних земель евразийского пространства, адаптируя для них достояния западной цивилизации посредством торговли и других форм международного сотрудничества, а также проводя модернизацию социально-экономического и общественно-политического уклада присоединённых к империи территорий [29].

Наибольшего размаха процесс масштабного реформирования общества параллельно с наступательным внешнеполитическим курсом достиг в годы царствования Екатерины II (1762-1796), которая стремилась «модернизировать и вестернизировать Россию, а также усилить её автократическую власть» [28, с. 213]. Конец первой волны модернизации исследователи относят к первым десятилетиям XIX в.: «Поражение, которое Александр I нанёс Наполеону, символизировало успех этого предприятия, однако его настигла индустриальная революция, которая к середине XIX века изменила баланс сил в Европе» [26, с. 39-40]. В результате этого в период между правлениями Екатерины II и Александра II происходит ухудшение условий обмена между Россией и ядром капиталистической мировой экономики, что было чревато сползанием страны к периферии [7].

К этому времени в социально-экономическом и техническом отношении Россия всё больше отставала от развитых стран Запада. «Российская империя опаздывала, - констатировал британский историк Дж. Хоскинг, - и это опоздание ставило её в опасное положение, что вскоре подтвердил исход Крымской войны» [25, с. 164]. В годы правления Николая I (1825-1855) российская промышленность в целом продолжала развиваться. Но, подчёркивает российский политолог Б. Кагарлицкий, «узкий внутренний рынок оказывался уже недостаточен для владельцев русских мануфактур. Для того чтобы поддерживать промышленный рост, правительство, с одной стороны, прибегало к протекционизму, защищая российский рынок от английской конкуренции, а с другой стороны, нужно было искать новые рынки. Ясно, что вывозить русские промышленные товары в Европу не было серьёзной возможности. Значит, рынки необходимо было обеспечить на Востоке – в Турции, Персии, Средней Азии. Русская внешняя политика становится по необходимости экспансионистской» [30, с. 314].

Показательно, что промышленная революция, захлестнувшая в этот период западные страны, Российской империи практически не коснулась. Кагарлицкий пишет: «...Проблемой для России в 1853 году оказалась не отсталость как таковая, а промышленная революция, разворачивавшаяся на другом конце Европы. Изобретение парового винта в 40-е годы привело к перевороту в военно-морском деле, который обесценил все прежние усилия Петербурга по укреплению флота. Построить и ввести в строй совершенно новый флот страна была не в состоянии. Точно так же не готова она была и к перевооружению сухопутных войск стрелковым оружием нового поколения... Наконец, роковую роль в войне сыграло отсутствие у России развитой железнодорожной сети» [30, с. 329]. Поражение в Крымской войне во многом побудило Александра II отменить крепостное право, начав «второй большой цикл модернизации, чтобы обеспечить выживание России как великой державы в индустриальную эпоху» [26, с. 40].

Но после 1873 г. произошло наложение циклического сокращения темпов развития капиталистической экономики на внутрироссийский социально-политический кризис. России явно не хватало экономических ресурсов, необходимых для многостороннего реформирования. «Националистический консерватизм» К. Победоносцева имел реакционную окраску, а последующие реформы С. Витте и П. Столыпина представляли собой «бюрократически направляемую индустриализацию», которая к тому же не была доведена до конца [27, с. 39]. Начало XX в. ознаменовалось экономическим кризисом во всех промышленно развитых странах, который, однако, довольно быстро сменился новым экономическим подъёмом. В противовес им Российская империя столкнулась с длительной полосой застоя и депрессии вследствие форсированного проведения модернизации, что привело к деформации структуры промышленного сектора и отставанию сельского хозяйства [30], [31]. А неудачный исход русско-японской кампании 1904–1905 гг. продемонстрировал действительный уровень готовности российской армии и флота к ведению войн в новых условиях [23], [32].

Первая мировая война обнажила слабые стороны модернизационных усилий российских властей. «Недостаток ружей, амуниции, боеприпасов и другого военного снаряжения, - подчёркивал американский историк Р. Уорт, - недостаточно развитая транспортная система; нехватка докторов, медсестёр и медицинских материалов и некомпетентность большого числа военных командиров – всё это проявилось уже в первые несколько месяцев войны» [33, с. 12]. К 1918 г. ситуация ещё более усложнилась. «Война исказила образ производства в тот момент, когда наиболее важным стал вопрос о возвращении к условиям мирного времени. Все ведущие отрасли промышленности перестроились и стали работать на Красную Армию», - считали эксперты [34, с. 57]. Для начала модернизации была необходима хотя бы относительная внутривнутриполитическая стабильность.

Таковая была достигнута после образования СССР, проблема позиционирования которого в мировой капиталистической системе является предметом научных дискуссий. Характерно, что И. Валлерстайн отводил Советскому Союзу место полупериферии и, одновременно, второй сверхдержавы, определяя холодную войну как «контролируемое соперничество-партнёрство» [27, с. 40]. В этой связи к чертам полупериферийности СССР следует отнести авторитарную политическую власть, отсутствие демократических прав и свобод, социально-экономические дисбалансы (ориентация преимущественно на развитие военного потенциала в ущерб социальной сфере; игнорирование рыночных факторов, плановость и централизация управления народным хозяйством; практика «добуржуазных методов эксплуатации» - применение рабского труда в концлагерях). Полупериферийность проявлялась и в показателях национального дохода. Так, годовой ВВП на душу населения в Советском Союзе в середине 1980-х

гг. составлял около 7500 долл., являясь средним показателем в сравнении с аналогичными данными государств Западной Европы (12700 долл.) и Латинской Америки (3200 долл.). А объём потребления в индивидуальном ВВП по отношению к США составлял 27 %, что было ниже уровня Уругвая (41 %), Мексики (30 %), Аргентины (29 %) и немного выше показателей Бразилии (25 %). В свою очередь, по уровню развития военной сферы, науки и образования СССР был сверхдержавой, соответствуя (а порой и превосходя) аналогичным характеристикам передовых стран, являясь центром в отношении государств советского блока и идеологическим ориентиром левых движений стран «третьего мира» [11].

Существует и противоположная точка зрения, обосновывая которую российский исследователь Г. Завалько отмечал: «СССР не был полупериферией КМЭ (капиталистической мир-экономики. – П.П.) и вообще не входил в КМЭ, а был центром другого мира-системы, который образовался путём откола от КМЭ и где существовал эксплуататорский строй, отличный от капиталистического - индустриально-политарный - результат неудачного строительства социализма в отсталых странах. Первой КМЭ покинула Россия, затем - Китай, страны Восточной Европы и некоторые азиатские страны. Их правящие круги стремились к полной изоляции своих стран от КМЭ, что в современном мире, конечно, невозможно. Влияние КМЭ продолжало ощущаться. Кроме того, возможности развития индустрополитаризма были невелики». «После того, - продолжает автор, - как политарные производственные отношения превратились в помеху на пути развития производительных сил, индустрополитаризм в СССР и Восточной Европе рухнул, причём не без влияния КМЭ, реальным (а не бутафорским) соперником которого был побеждённый мир-система. СССР в последние годы своего существования постепенно втягивался в зависимость от КМЭ; новые независимые государства, появившиеся из его обломков, с самого начала возникли как страны зависимого капитализма» [7].

Думается, что обе интерпретации данной проблемы являются дискуссионными, имея как сильные, так и слабые стороны, требующие детального анализа. Вместе с тем, убедительной представляется мысль о том, что опыт существования советской системы являлся попыткой «противопоставить себя миросистеме, оторваться от неё, создать вокруг себя собственный международный порядок» [30, с. 571-572]. Символом выбора СССР в пользу противопоставления себя мировой капиталистической системе и курса на создание автаркического союза стала модернизация в виде индустриализации конца 1920-х - 1930-х гг., когда происходило постепенное свертывание НЭПа, внедрение плановой экономки и переориентация на развитие промышленности [35, т. 2, с. 551-564]. В ноябре 1928 года Сталин на заседании Центрального Комитета объяснил, почему основная роль в развитии страны отводится тяжелой промышленности. СССР должен был

«догнать и перегнать» капиталистические страны в техническом и экономическом смысле [36, с. 141]. Итогом этого являлись результаты первого пятилетнего плана (1928/29-1932/33), перед которым ставились указанные задачи. Британские историки Э. Бриггс и П. Клэвин справедливо полагали: «Сталинские пятилетние планы требовали коллективизации сельского хозяйства и массового строительства тяжёлой промышленности. Коллективные хозяйства должны были кормить промышленных рабочих, тяжёлая промышленность должна была выпускать машины для более эффективной работы сельских тружеников» [37, с. 285].

Ценой огромных усилий и жертв подобная модернизация в СССР принесла свои плоды. «Между 1921-м и 1940 гг., - замечает российский исследователь А. Уткин, - в стране произошли огромные перемены: доля городского населения повысилась с 29 до 50 %. Численность инженеров возросла с 47 тыс. в 1928 г. до 289 тыс. в 1941 г. За две пятилетки (1928-1937) валовой продукт страны вырос с 24,4 млн. руб. до 96,3 млн. Выплавка стали увеличилась с 4 млн. т до 17,7 млн., добыча угля - с 35,4 млн. т до 128 млн. Страна пятикратно увеличила производство самолётов, прочно заняв первое место в мире (10 тыс. самолётов в 1939 г.). В течение одного десятилетия Россия сделала то, чего не смогла за предшествующие века, - обошла Италию, Францию, Японию, Британию и Германию по основным экономическим показателям» [23, с. 147]. Вторая мировая война внесла свои коррективы в этот процесс: советская промышленность переходит на «военные рельсы» [38, с. 542-543]. Послевоенный четвёртый пятилетний план (1946-1950) предусматривал быстрый рост всех отраслей экономики. В полном объёме он выполнен не был, но промышленность и сельское хозяйство быстро достигли довоенного уровня, а к началу 1950-х гг. даже превысили его показатели [39, р. 16-17].

Но уже в начале 1970-х гг. социально-экономическая и общественно-политическая система СССР опять нуждалась в значительном реформировании, соразмерном требованиям времени. «...Глобальная капиталистическая экономика, - подчёркивал Д. Ливен, - вновь обманула ожидания победившей России, перейдя к 1970-м годам в постиндустриальную эпоху, что грозило Советскому Союзу отсталостью, унижением и незащищённостью, если он не сумеет догнать Запад. В этом кроется самая элементарная причина перестройки» [26, с. 40]. Специфику внутренних проблем советской системы подробно охарактеризовал Б. Кагарлицкий: «По мере того, как утрачивался революционный импульс, бюрократия, присвоившая себе плоды героических усилий народа, становилась всё более консервативной. Натиск масс сменился организованной работой аппарата, а демократия рабочих - бюрократическим централизмом. ... Крушение этой системы было закономерным, но неизбежным оно стало с того момента, когда бюрократическая элита использовала поворот к миросистеме в качестве защитной

реакции против «реформистской угрозы», взревавшей внутри самого советского общества. Торговля сырьём в 1970-е годы готовила политическую самоликвидацию советской империи в 1990-е годы» [30, с. 571-572].

В результате дезинтеграции Советского Союза РФ достаётся положение полупериферии, а большинство новых независимых государств скатываются на периферию мировой капиталистической системы [40, с. 104]. Этот вывод подтверждается основными показателями уровня жизни. Согласно данным Международного валютного фонда на 2011 г., общий объём ВВП РФ по паритету покупательной способности (ППС) составлял 2,376 трлн. долл., что является 6-ым показателем в мире. Вместе с тем, при расчёте на душу населения российский ВВП ППС равен 16 687 долл. – 53-й показатель [41]. Примечательно, что индекс развития человеческого потенциала (ИРПЧ) России в 2011 г. составлял 0,755, позиционируясь как «высокий». По этому показателю РФ занимает 66-е место в мире и относится ко «второму эшелону», значительно уступая государствам с «очень высоким» ИРПЧ [42, р. 128, 131].

При этом Россия располагает мощным ресурсным потенциалом, ядерной и космической сферой, развитой научной базой и системой образования, а её экономика является крупнейшей на постсоветском пространстве. В частности, в 2010 г. на РФ приходилось 72 % совокупного регионального ВВП (в паритетных ценах) и 67 - 68 % суммарного экспорта товаров и услуг СНГ. Доля России в ВВП стран Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза составляла около 90 %. Российская экономика больше экономик Киргизстана, Молдавии и Таджикистана в 165 - 166 раз, экономик Армении и Грузии - в 100 раз. Показатели валового национального дохода на душу населения РФ превышают аналогичные показатели Украины в 3 раза, и в 11-16 раз больше, чем в Киргизстане, Таджикистане и Узбекистане [43, с. 37].

Следовательно, современная Россия, имея характеристики периферии и центра, является полупериферией в рамках мировой капиталистической системы. «В принципе, - отмечал российский учёный В. Хорос, - это дает ей возможности, - при условии, если удастся переломить неблагоприятное течение событий, - завершить индустриальную фазу и войти в постиндустриальный мир» [11]. Как показывают события последних лет, элиты РФ начинают понимать специфику полупериферийности своей страны и угрозы «скатиться» на периферию, декларируя необходимость масштабной модернизации [44], о результатах которой судить пока рано. Вместе с тем, не следует забывать, что примеры «догоняющей» модернизации российского образца всегда оборачивались противоречивыми последствиями, во многом определяясь степенью открытости имперской системы и её позиционированием в капиталистической экономике.

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы.

Россия интегрировалась в мировую капиталистическую систему в XVIII в. (в период между правлениями Петра I и Екатерины II), позиционируясь как полупериферия, то есть государство, сочетающее в себе черты периферии и ядра. Но по своим характеристикам она являлась империей, проводя активную внешнюю политику. А её стремление преодолеть периферийные процессы и приблизиться к ядру мир-системы обусловило «догоняющий» характер модернизации российского общества.

К середине XIX в. под влиянием индустриальной революции в Европе происходит ухудшение условий обмена между Россией и ядром капиталистической экономики, усилившее процесс «сползания» на периферию страны, нуждающейся в многостороннем реформировании. Это подтвердил негативный для Российской империи исход Крымской войны, что побудило российские элиты отменить крепостное право, взяв курс на масштабную модернизацию.

Однако в последней трети XIX в. происходит «наложение» циклического сжатия капиталистической мир-экономики на внутрисоветский социально-политический кризис, катализировавший периферийные процессы в империи. В итоге недостаток экономических ресурсов, «националистический консерватизм» властей, «бюрократически направляемая индустриализация» и форсированная модернизация приводят к трагедии России в Первой мировой войне и революционным событиям 1917 г.

Проблема позиционирования СССР в мировой капиталистической системе представляется дискуссионной. Согласно одной точки зрения, Советский Союз, как и Российская империя, был полупериферией, одновременно став второй сверхдержавой, а холодная война определялась не иначе как «контролируемое соперничество-партнёрство». Другой взгляд акцентирует, что СССР вообще не входил в капиталистическую экономику, являясь центром иной системы, основанной на отличающемся от капиталистического «индустриально-политарном строе».

На этом фоне справедливым видится утверждение, что «советский эксперимент» являлся попыткой вырваться из современной системы, создав собственный международный порядок. Выбор в пользу автаркии был сделан в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в процессе свёртывания НЭПа, внедрения плановой экономики и переориентации на развитие тяжёлой промышленности. Модернизация в форме индустриализации в условиях репрессий тоталитарной системы всё же дала свои результаты. Экономический рост продолжился и после Второй мировой войны вследствие выполнения пятилетних планов.

Поскольку к началу 1970-х гг. капиталистическая экономика вступает в постиндустриальную эру, Советский Союз снова оказывается перед необходимостью модернизации для преодоления периферийных процессов.

Страшась реформистской угрозы, его бюрократическая элита совершает «поворот» в сторону современной системы, что выражалось в торговле сырьём в 1970-е гг., а затем в событиях «перестройки» 1980-х гг.

Подобное оборачивается нарастанием кризисных проявлений в советском обществе при падении цен на сырьё, усилившихся в результате последствий перестроечных процессов и приведших, в конечном счёте, к дезинтеграции СССР. Вследствие этого Российская Федерация оказывается в положении полупериферии, а большинство новых независимых государств - периферии в рамках мировой капиталистической системы.

Список литературы

1. Юрченко С. В. Современная система международных отношений: новые тенденции развития / С.В. Юрченко // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск X (III). Серия В. Международные отношения. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И.Кузицина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2012. – С. 13-18.
2. Дергачёв В. А. Геополитический словарь-справочник / Дергачёв В.А. – К.: КНТ, 2009. – 592 с.
3. Словарь исторических и общественно-политических терминов / Автор-сост. В. И. Васильев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. – 604 с.
4. Маркс К. Избранные произведения в 3-х томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1970. – 547 с.
5. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Арриги Дж.; Пер. с англ. – М.: Территория будущего, 2006. – 472 с.
6. Валлерстайн И. Мировой системный анализ [Электронный ресурс] / И.Валлерстайн. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/authors/wallerstein/?library=1084>
7. Завалько Г. Мировой капитализм глазами И.Валлерстайна [Электронный ресурс] / Г. Завалько. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm
8. Семёнов Ю. Мир-системный подход [Электронный ресурс] / Ю.Семёнов. – Режим доступа: http://scepssis.ru/library/id_1086.html
9. Фисун А. А. Мир-системный анализ как теория геоисторических изменений [Электронный ресурс] / А. А. Фисун. – Режим доступа: <http://abuss.narod.ru/Biblio/fisun.htm>
10. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Валлерстайн И.; Пер. с англ. – М.: Территория будущего, 2006. – 248 с.
11. Хорос В. Полупериферия в контексте глобализации [Электронный ресурс] / В.Хорос. – Режим доступа: <http://www.lebed.com/2003/art3388.htm>
12. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Бродель Ф.; Пер. с фр. – М.: Весь мир, 2008. – 552 с.
13. Дугин А. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах [Электронный ресурс] / А. Дугин. – Режим доступа: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=818>
14. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers / Kennedy P. – New York: Random House, 1987. – 677 p.
15. Киссинджер Г. Дипломатия / Киссинджер Г.; Пер. с англ. ; Послесл. Г. А. Арбатова. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
16. Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy [Electronic resource] / A. Cohen. – Access mode: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy>
17. Межуев В. М. Российская цивилизация – утопия или реальность? / В. М. Межуев // Постиндустриальный мир и Россия: [Сб. ст.] / Отв. ред. В. Г. Хорос, В. А. Красильников. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 587-601.

-
18. Травин Д. Европейская модернизация: В 2 кн. / Д. Травин, О. Маргания. – Кн. 1. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 665 с.
 19. Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2000. – 328 с.
 20. Лапкин В. В. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. – 2005. - № 3. – С. 44-58.
 21. Скрынников Р. Борис Годунов / Скрынников Р. – М.: АСТ, 2003. – 416 с.
 22. Тойнби А. Дж. Постижение истории / Тойнби А. Дж.; Сб.: Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 640 с.
 23. Уткин А. И. Подъём и падение Запада / Уткин А. И. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 761 с.
 24. Федотов Г. Судьба империй [Электронный ресурс] / Г. Федотов. – Режим доступа: http://www.krotov.info/library/21_f/fed/otov_06.html
 25. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Хоскинг Дж.; Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.
 26. Ливен Д. Россия как империя и периферия / Д. Ливен // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6. - № 6. – С. 36-46.
 27. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500 – 2010 / И. Валлерстайн // Свободная мысль. – 1996. - № 5. – С. 30-42.
 28. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Хантингтон С.; Пер. с англ. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.
 29. Пашковский П. И. Интеграционная политика России: исторические основы / П. И. Пашковский // Интеллектуал. – 2011. - № 12. – С. 50-53.
 30. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории / Кагарлицкий Б. Ю. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. – 576 с.
 31. Moss W. G. A History of Russia / Moss W. G. – New York: McGraw-Hill, 1997. – Vol. 2. Since 1855. – 1997. – 569 p.
 32. Казанцев Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век) / Казанцев Ю.И. – Ростов-на-Дону: Феникс; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. – 352 с.
 33. Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917– 1918 / Уорт Р.; Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 271 с.
 34. Всемирная история: Мир в период создания СССР / Бадак А. Н, Войнич И. Е., Волчек Н. М. и др. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2002. – 426 с.
 35. История России: В 2 т. – Т. 1: С древнейших времён до конца XVIII века / А. Н. Сахаров, Л.Е.Морозова, М. А. Рахматуллин и др.; Под ред. А. Н. Сахарова. – М.: АСТ: Ермак: Астрель, 2003. – 943 с.; Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М.А.Рахматуллин и др.; Под ред. А. Н. Сахарова. – М.: АСТ: Ермак: Астрель, 2003. – 862 с.
 36. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991 / Хоскинг Дж.; Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2001. – 496 с.
 37. Бриггс Э. Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней / Э. Бриггс, П.Клэвин; Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2006. – 600 с.
 38. Политическая история России: Учебное пособие / Отв. ред. проф. В. В. Журавлёв. – М.: Юристъ, 1998. – 696 с.
 39. Global studies: Russia, the Eurasian Republics, and Central/Eastern Europe / Goldman Minton F. – sixth edition. – Guilford: Dushkin/McGraw-Hill, 1996. – 308 p.
 40. Кононов И. Ф. Трансформационный опыт Украины, России и Беларуси: поиск интерпретативных моделей / И. Ф. Кононов // Вісник Луганського національного університету імені Т. Шевченка. Серія: Соціологічні науки. – 2010. – Т. 2. – Ч. I. – № 12 (199). – С. 84-108.
 41. Russian Federation // Report for Selected Countries and Subjects [Electronic Resource]. – Access mode: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2011/02/weodata/weorept.aspx?sy=2010&ey=2011&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=922&>
 42. Human Development Report 2011. Sustainability and Equity: A Better Future for All. – New York: United Nations Development Programme, 2011. – 179 p.

-
43. Стратегические интересы России на постсоветском пространстве / журнальный вариант доклада А. Н. Спартака на заседании Учёного совета ИМЭМО РАН, март 2010 г. // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2010. - № 8. – С. 32-45.
44. Медведев Д. Россия вперёд! [Электронный ресурс] / Д. Медведев. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5413>

Пашковський П. І. Росія у світовій капіталістичній системі: історичний досвід позиціонування та сучасне становище // *Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія*. – 2012. – Т. 24 (65). – № 1-2. – С.

У статті розглянуто історичний досвід позиціонування та сучасне становище Росії у межах світової капіталістичної системи.

Ключові слова: Росія, світова капіталістична система, історичний досвід позиціонування, сучасне становище.

Pashkovsky P. I. Russia in the World Capitalist System: the Historical Experience of Positioning and the Modern Position // *Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology*. – 2012. – Vol. 24 (65). – № 1-2. – P.

The article reveals the Russian historical experience of positioning and the modern position within the framework of the world capitalist system.

Keywords: Russia, world capitalist system, positioning, historical experience.